

УДК 81'23

КОРПУС КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНФОРМАНТ
(об экспериментальном изучении семантики и языковой картины мира)

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Рассматриваются проблемы применения экспериментальных методов в изучении языковой картины мира на основе изучения лексической семантики. Анализ методологии корпусных исследований и исследований языковой картины мира позволяет сделать вывод о том, что корпус представляет собой универсального информанта, а привлечение корпусных данных строится по принципу эксперимента и может быть охарактеризовано как квази-экспериментальная ситуация.

Ключевые слова: *корпусная лингвистика, семантика, языковая картина мира, лингвистический эксперимент.*

1. Принцип эксперимента в языкознании

По-видимому, Л.В. Щерба был первым в отечественной лингвистике, кто чётко поставил вопрос об эксперименте.

«Построив из фактов этого (языкового – *А.Я.*) материала некую отвлечённую систему, необходимо проверять её на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из неё факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата...» [10: 31–32].

Значения многих форм невозможно определить, кроме как через эксперимент: «Для меня давно уже совершенно очевидно, что путём непосредственного самонаблюдения нельзя констатировать, например, „значений“ условной формы глагола в русском языке» [цит. раб.: 33]. Поэтому изучение многих аспектов языковых явлений не просто предполагает, но с необходимостью требует экспериментальной основы.

«Не ожидая того, что какой-то писатель употребит тот или иной оборот, то или иное сочетание, можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию, и т.п., наблюдать получающиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-либо пишем. Я бы сказал, что без эксперимента почти невозможно заниматься этими отраслями языкознания» [цит. раб.: 32].

Таков основополагающий принцип: чтобы проверить, можно ли, нормально ли в речи использовать ту или иную форму, следует «спросить» это у носителя языка, обладающего на основе многократно повторявшихся в его опыте актов речевого взаимодействия «языковым чутьём», языковой привычкой. И лучше всего «спросить» не у рядового пользователя языка, а у того, кто в некоторой степени создаёт язык, его общепризнанную норму – у писателя. Эксперимент даёт возможность воссоздать эту процедуру и поставить вопрос о

приемлемости некоторой формы языкового знака перед многими носителями языка, а ответ на него давать на основе общей тенденции в ответах носителей.

«С весьма распространённой боязнью, что при таком методе будет исследоваться „индивидуальная речевая система“, а не языковая система, надо покончить раз навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне законно и требует лишь поправки в виде сравнительного исследования ряда таких „индивидуальных языковых систем“» [цит. раб.: 34].

С одной стороны, поправка на множественность «индивидуальных речевых систем», задействованных в эксперименте, теряет в силу обобщения некоторые особенности, характерные для языка и речи каждого отдельного индивида, с другой же стороны, эта поправка в силу того же обобщения позволяет выявлять наиболее тенденциозные и стойкие характеристики языковой системы, регулярно проявляющиеся в «индивидуальных речевых системах».

Небезынтересно суждение Л.В. Щербы об «отрицательном» материале эксперимента:

«В возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество – с теоретической точки зрения – изучения живых языков. Только с его помощью мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря. Ведь надо иметь в виду, что в „текстах“ лингвистов обыкновенно отсутствуют неудачные высказывания, между тем как весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой „так не говорят“, которые я буду называть „отрицательным языковым материалом“. Роль этого отрицательного материала громадна и совершенно ещё не оценена в языкознании, насколько мне известно» [цит. раб.: 32–33].

Представляется, что потенциал использования отрицательного материала в эксперименте в лингвистике раскрыт далеко не полностью.

2. Методология корпусных исследований

Корпусы используются обычно для статистического или какого-то другого анализа высказываний и текстов, для проверки статистических гипотез и для подтверждения правил данного языка. Часто они используются как вспомогательный инструмент в семантических, лексикологических, лингводидактических и др. исследованиях [11; 13–16]. В последнее время использование корпусов широко распространено и в исследованиях перевода: [3; 6; 12]. Так, Т.А. Волкова указывает: «Корпусы и подкорпусы функциональны при поиске и проверке характеристик текста оригинала и перевода и переводческих решений (корпусами ресурсы для поиска переводческих решений, безусловно, не ограничиваются) при известных исходных параметрах – жанр, тематика, коммуникативная ситуация, событие» [3: 216]. Корпусы используются не только для проверки уже выполненного перевода, но и для анализа стратегий перевода или этапов переводного процесса, если полученный результат не совпадает по некоторым параметрам с примером перевода из корпуса.

Корпусную лингвистику принято противопоставлять традиционной в нескольких аспектах, и с методологических позиций эти различия не так существенны, как может показаться на первый взгляд.

Во-первых, традиционная лингвистика якобы ориентируется, прежде всего, на изучение языка, в то время как корпусная – на изучение речи. Следует, однако, помнить, что в корпусах представлено не собственно речевое общение людей и даже не речь как процесс, а продукты такого процесса, и для изучения процесса по его продуктам необходимо иметь чётко отработанную методологическую схему выявления характеристик процесса из наблюдаемых наличных характеристик продукта. Так же дело обстоит и с традиционной лингвистикой: нужна чёткая объяснительная модель (методологическая схема) порождения речи для понимания соотношения между речепорождением и его конечным продуктом, описываемым с позиций языкознания.

Во-вторых, корпусная лингвистика нацелена на описание языка в том его виде, как он проявляет себя в речи, которая и представлена в форме корпуса текстов. Но если исходить из того, что система языка проявляет себя по своим внутренним правилам и законам, то на результат такого проявления не действуют никакие сторонние факторы, и результат этот можно считать комплексом правильных предложений. А традиционная лингвистика как раз и ориентируется на анализ правильных предложений, «отрицательный материал» является чаще всего лишь вспомогательным средством для подтверждения выводов, сделанных на «положительном материале».

В-третьих, как и традиционная, корпусная лингвистика черпает материал из множества текстов и высказываний, которые, однако, более чётко систематизированы и более доступны. Корпусные данные используются в качестве подтверждений или опровержений гипотез насчёт тех или иных употреблений слов (если не брать в учёт более конкретные задачи, например, подсчёт употреблений того или иного выражения в произведениях, скажем, Ф.М. Достоевского). Это – всё тот же языковой материал, что и в любом лексико-семантическом исследовании, но прошедший «предварительную подготовку», «сортировку» для его использования в исследовании.

В-четвёртых, корпусная лингвистика-де опирается на реальные факты речевой деятельности, в то время как традиционное языкознание опирается на интуицию учёного в отборе эмпирического материала. Однако лингвистический эксперимент, например, такой, как у О.Н. Селиверстовой (см. ниже), тоже опирается на наблюдения за речевой деятельностью и позволяет проверять обобщения теории на фактах, полученных от носителей языка. В корпус попадают не все и любые случаи словоупотреблений, а прошедшие некоторый отбор, кроме того, не все примеры из корпуса используются в конкретном исследовании, и этот второй отбор тоже опирается часто лишь на интуицию учёного (теория, как правило, не даёт чёткого ответа о том, почему одни примеры из корпуса лучше других).

В-пятых, корпусная лингвистика позволяет работать с языковыми данными в том их виде, в котором они были использованы в речевой деятельности, а традиционный подход предпочитает искусственные изолированные от контекста примеры. Это обстоятельство было частично затронуто в двух предыдущих пунктах, и вдобавок к сказанному выше можно указать на следующее важное с методологической точки зрения обстоятельство. В обоих случаях научное познание концентрируется не на всех и любых характеристиках объекта (конкретного высказывания или слова), а выделяет лишь некоторые из

них – те, которые необходимы для целей познания. Кроме того, эти выделенные в объекте познания характеристики выступают не сами по себе, в их материальной форме, а как носители некоторых функций, характерных и для других, в данном случае не наблюдаемых, единиц. Из многообразия всех свойств слов для целей конкретного исследования выбираются лишь некоторые, которые оказываются в ходе познания обобщёнными отражениями целого комплекса взаимодействий между множеством реальных схожих в некотором отношении языковых единиц. В речевой деятельности нужные свойства слов выделяются за счёт самого характера оперирования с ними и за счёт многочисленных внеязыковых условий общения, но это также предполагает актуализацию только некоторых их свойств. Актуализация некоторых свойств объектов в рамках научного познания опирается на существование лингвистической теории, позволяющей переходить от реально наблюдаемых языковых фактов к обобщениям, содержащим в аккумулированном виде те конкретные закономерности, которые определяют поведение языковых единиц и в речевой деятельности. Грубо говоря: теория «подсказывает», как следует абстрагировать интересующие исследователя свойства слов (или других единиц) от других их свойств, а значит, какие конкретные примеры реализации таких свойств брать в рамках конкретного исследования. Значит, неважно, взяты ли конкретные примеры употребления слов из корпуса или искусственно созданы исследователем; куда важнее, чтобы теория позволяла проследить тот путь, который проходят закономерности и взаимосвязи от их конкретной языковой формы до теоретических обобщений, и не искажает ли этот путь самих выявляемых закономерностей и взаимосвязей. Корпус является в таком случае лишь удобным инструментом быстрого доступа к фактическому материалу, но само исследование последнего осуществляется тем же методологическим и гносеологическим путём, что и исследование «искусственно придуманных» примеров.

В-шестых, корпусная лингвистика действительно позволяет более широко использовать индуктивные методы обработки эмпирического материала, однако это не даёт принципиально новых сведений о языке и речевой деятельности. Становление нового знания о языке не сводится к индуктивному обобщению эмпирии; одностороннее движение от эмпирии к теории через простое суммирование фактов если и возможно, то характерно лишь для самых начальных этапов развития, давно преодоленных языкознанием.

«Поскольку предсказательная сила индуктивных обобщений всегда имеет только вероятностный характер, постольку простое расширение класса наблюдений, согласующихся с эмпирической зависимостью, не выводит её из ранга гипотетического предположения о законе и не придаёт ей признака необходимости. Этот переход возможен лишь тогда, когда связь между величинами, представленными в эмпирической зависимости, будет получена в системе операций над абстрактными объектами теоретической схемы, которая является идеализированной моделью исследуемой реальности» [8: 141].

Но абстрактные объекты в традиционной и корпусной лингвистике одни и те же – языковые знаки, трактуемые как единицы языковой системы и существующие по внутренним законам этой системы. Как видно, в методологическом отношении корпусная лингвистика отличается от традиционной не по качеству, а по степени: она позволяет быстрее охватить больший объём

информации (конкретных словоупотреблений), чем это было возможно без использования корпусов. Но путь познания остаётся принципиально тем же: класс свойств, абстрагируемых из конкретных словоупотреблений, на начальном этапе исследования подбирается не в ходе предварительного эксперимента (связанного с некоторой гипотезой, т.е. с возможным, ещё не доказанного употребления слова), но в мыслительной деятельности субъекта познания (учёного, хотя и с опорой на теорию), эти выбранные свойства отграничиваются от остальных также на основе теоретизирования, а не экспериментальной практики, теоретическому обобщению и объяснению подвергаются не материально проявляющиеся характеристики взаимодействия реальных предметов, а выделенные теоретизированием их абстрактные аналоги. Это всё позволяет исследователю сконцентрироваться на закономерностях языка как такового, не выходить за рамки традиционного предмета языкознания и освобождает от необходимости учитывать внеязыковые факторы. В исследовании семантики последнее обстоятельство играет решающую роль, поскольку обуславливает изучение значения самого знака, а не привносимые в него сторонними факторами (контекст, фоновые знания и т.п.) компоненты.

3. Корпус в исследованиях лексической семантики и языковой картины мира

Для анализа методологии лексико-семантических исследований мы будем опираться в основном на работы О.Н. Селиверстовой, поскольку в них методология выражена более эксплицитно, чем во многих других. Автор исходит из упомянутых идей Л.В. Щербы и отмечает, что пусть сам он и не употреблял термин «гипотетико-дедуктивный», всё же выделял именно те этапы исследования, которыми характеризуется этот метод (сбор материала, построение гипотезы, проверка истинности построенной гипотезы на новых фактах, выводимых из гипотезы)» [7: 48].

«Количество собранных случаев употребления анализируемых единиц должно быть достаточно большим. Примеры могут выбираться как из устной, так и из письменной речи. Особенно полезными для выработки первоначальной гипотезы обычно оказываются предложения, взятые из художественных произведений: никто так точно не употребляет языковые знаки, как хороший писатель, умеющий выбрать именно тот языковой символ, информация которого наиболее точно соответствует свойствам денотата и цели сообщения» [цит. раб.: 49].

Здесь нас интересуют два обстоятельства. Во-первых, подобные примеры из художественной литературы распространяются на «рядовых» пользователей языка, этому способствует то, что случаи неверного или неоднозначного использования языковой единицы исключаются из исследования. Исследователь исходит из презумпции: то, как употребляет данное слово писатель (один из множества), прямо и однозначно соответствует тому, как (в норме) употребляет данное слово любой носитель языка. И при направленности исследования на установление правильности / неправильности некоторого выражения такой путь вполне оправдан, он вполне согласуется с суждениями Л.В. Щербы. Во-вторых, достаточным количеством информантов является, по мнению О.Н. Селиверстовой, 15 человек [цит. раб.: 51, 97, 126]. «Если все опрашиваемые принадлежат к одной социальной или территориальной группе,

результаты опроса считаются значимыми для данной группы говорящих. Однако практически часто можно работать и с одним-двумя информантами...» [цит. раб.: 51]. При всём при этом результаты подобного опроса считаются значимыми для всех носителей данного языка. Ответы информантов служат в большей степени лишь подтверждением тех особенностей значений слов, которые были выявлены лингвистическим анализом. Ср. случаи, когда расхождения в оценке правильности того или иного выражения почти не влияют на выводы или вообще не комментируются [цит. раб.: 188, 210, 249, 322–323, 343, 513], хотя количество информантов, ответы которых не вписываются в гипотезу, может быть существенным, например, 5 из 12 [цит. раб.: 188], 2 из 4 [цит. раб.: 318, 321] или 5 из 8 [цит. раб.: 101].

Мы не будем подробно останавливаться на том, что такие расхождения игнорируются в силу якобы их обусловленности индивидуальными речевыми организациями, а цель исследования состоит в выяснении закономерностей языковой системы в целом, что позволяет абстрагироваться от всего индивидуального. Однако же, как указывал Л.В. Щерба, «... то, что часто считается индивидуальными отличиями, на самом деле является групповыми отличиями, т.е. тоже социально обусловленными (семейными, профессиональными, местными и т.п.), и кажется индивидуальными отличиями лишь на фоне „общих языков“» [10: 34–35]. Поэтому даже отличия, кажущиеся индивидуальными, могут быть групповыми и требуют обоснования для их игнорирования. С другой стороны, сам Л.В. Щерба отмечал и следующее:

«Здесь надо устранить одно недоразумение: лингвистически изучая сочинения писателя (или устные высказывания любого человека), мы можем исследовать его речевую деятельность как таковую – получится то, что обыкновенно неправильно называют „языком писателя“, но что вовсе не является языковой системой; однако мы можем также исследовать её и как языковой материал для выведения индивидуальной речевой системы данного писателя, имея, однако, в виду, в конечном счёте, установление языковой системы того языка, на котором он пишет. Конечно, картина будет неполная из-за недостаточности материала, и прежде всего из-за отсутствия отрицательного языкового материала, но многое можно будет установить с достаточной точностью, как показывает многовековой опыт языкознания» [цит. раб.: 34].

Последнее высказывание, как правило, игнорируется лингвистами, а выводы, делаемые на основе анализа языка писателя, приравниваются к выводам о языковой системе в целом. Такое приравнивание обосновано в случае изучения языковой системы, предполагающем абстрагирование от всех индивидуально-личностных факторов и вообще всего, что не входит в систему языка как таковую.

О.Н. Селиверстова обращает внимание на то, что ответы не всякого информанта дают полные основания для выводов: «Опыт работы с информантами показал, что не все носители языка могут вообще участвовать в некоторых видах эксперимента, что, по-видимому, связано с их неспособностью или неумением осознанно относиться к процессу речевой деятельности» [7: 96]. Это приводит к отбору информантов. От информантов требуется умение и привычка к абстрактному мышлению и логическому анализу, поэтому для участия в экспериментах выбирались аспиранты, научные сотрудники различных

специальностей (математики, физики, историки, лингвисты и т.д.), преподаватели, редакторы [цит. раб.: 96–97]. «Важную роль играет также проблема обучения информанта. Прежде всего необходимо приучить информанта реагировать на информацию, которая передаётся о денотативной ситуации, а не на саму денотативную ситуацию» [цит. раб.: 97]. Этим и формируется деятельность информанта, которой от него ждёт исследователь и которая приближает его к исследователю, ставя последнего в ситуацию поиска искомого и стирая почти полностью различия между таким экспериментом и интроспекцией исследователя. Причём информанты, которые не могут быть приравнены к исследователю, исключаются. Результаты, полученные таким образом, переносятся на других носителей языка, которые не осуществляют такой квазиисследовательской деятельности. Указывается также на необходимость в некоторых случаях использовать информантов «высшей категории» [цит. раб.: 100]. Такими, видимо, и являются писатели.

Как видно, система отсчёта для проводимых в таком ключе исследований семантики обладает несколькими существенными методологическими характеристиками: 1) «неправильные» высказывания (т.е. не соответствующие гипотезе) исключаются, 2) информанты проходят отбор и обучение, что приближает их действия к действиям исследователя, 3) достаточно очень небольшого числа информантов, которое иногда сводится к одному-двум. В свете последнего ср.: «Информантом может быть и сам лингвист, если изучаемый язык является для него родным» [1: 22].

Исследования языковой картины мира (далее – ЯКМ) почти никогда не основываются на эксперименте, т.е. на непосредственном опросе носителей языка, но в них нередко используются данные корпусов (хотя обычно лишь в качестве немногочисленного иллюстративного материала, а не в качестве широкой эмпирической базы, способной доказать правомерность того или иного выдвигаемого положения). Важно, что они проводятся при тех же методологических установках, что и лексико-семантические исследования. Первые «вырастают» напрямую из вторых. Так, множество исследований ЯКМ по существу посвящены анализу лексики [2; 4; 5; 9]. ЯКМ образуют только те смыслы, которые входят в значения языковых единиц, а не привносятся какими-то сторонними причинами; методами же выявления ЯКМ остаются традиционные методы анализа семантики, чаще всего дистрибутивный и компонентный анализ [4: 153; 9: 11–12]. При исследовании ЯКМ

«... речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [4: 17–18].

Коль скоро постулируется, что входящие в ЯКМ смыслы одинаковы для всех носителей языка, то это освобождает исследователя от анализа случаев расхождений этих смыслов у разных людей в силу некоторых социальных и тем более индивидуально-психологических факторов. *Индивидуальные* способы осмысления мира и ориентации в нём, сколь бы значимы они ни были для

конкретного человека и в конкретной ситуации, не играют здесь существенной роли и не входят в ЯКМ этого человека. В ЯКМ входят лишь те способы, которые характерны для *всех* носителей данного языка. Изучению подвергается то, что не может быть изменено отдельным человеком; иначе говоря, влияние человека на семантику языковых единиц остаётся за рамками исследования вместе с теми аспектами семантики, которые могут быть подвержены такому влиянию. Следовательно, изучению подвергается тот *инвариант семантики* языковых единиц, который принимается всеми носителями как нечто само собой разумеющееся, а то, в чём носитель языка может усомниться (что уже подразумевает некоторое переосмысление), не учитывается. Это позволяет лингвисту не обращаться к рядовому носителю языка, а сразу рассматривать «информантов высшей категории» – писателей, публицистов, философов и т.д.

В этом отношении характерно замечание А.Д. Шмелёва: «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [цит. раб.: 23]. Особенно показательными считаются семантические конфигурации, относящиеся к неассертивным компонентам высказывания, поэтому только лингвистический анализ способен выявить смыслы, релевантные для ЯКМ. И раз люди не останавливаются специально на этом, то мир они понимают именно таким способом, который содержится в этих неассертивных (пресуппозиционных) компонентах семантики слов. Две методологические презумпции, выражаемые в виде постулатов, не требующих пояснений, здесь встречаются, замыкая предмет исследования в надёжное кольцо: с одной стороны, изучаются установки, скрытые от «невооружённого глаза» носителя языка; с другой стороны, изучаются только установки, характерные для всех носителей языка как нечто неоспоримо данное. За рамками исследования остаётся всё, что может быть изменено, переосмыслено, и всё, что обусловлено факторами индивидуального или контекстуального порядка (в широком смысле – включая сюда и внеязыковой контекст). Кроме того, в исследованиях ЯКМ используются привычные лексические оппозиции, помогающие более рельефно прорисовать специфику значений тех или иных слов. А результаты выражения в речи смыслов, релевантных для ЯКМ, присовокупляются лишь как любопытный иллюстративный материал, придающий большую степень наглядности и естественности выводам, сделанным на основе научного анализа языковой системы.

«Пословицы, поговорки и другие вошедшие в язык тексты, в том числе авторские... могут привлекаться к рассмотрению лишь в той мере, в какой они выражают те же идеи, которые были выявлены при анализе собственно языковых данных» [цит. раб.: 154].

Сказанное вновь возвращает нас к методологическим аспектам корпусной лингвистики. Изучение ЯКМ требует чёткой объяснительной модели перехода от процесса осмысления мира к продукту такого осмысления, выраженного в языковом материале. И такая модель в исследованиях, базирующихся на анализе лексики, остаётся чисто лингвистической и индуктивной. Как представляется, исследование ЯКМ, идущее по гипотетико-дедуктивному пути, с необходимостью требует привлечения широкого массива корпусных дан-

ных, которые служили бы не просто иллюстрацией уже сделанных выводов, а эмпирическим материалом (фактами реального использования языка его носителями) для *проверки* (а не обоснования!) гипотез о способе осмысления мира, выражаемом в языковых знаках. Это не просто даст прибавку эмпирического материала, но обеспечит переход к объективным регулярно проявляющимся закономерностям, связывающим эмпирический материал (реальные словоупотребления в реальных контекстах) и идеализированные модели (положения теории и тех или иных элементах мировоззрения и ЯКМ).

Исследование ЯКМ нуждается в обширном отрицательном материале. Чтобы понять, чем мировидение одной лингвокультуры отличается от мировидения другой, следует понять не только *как происходят* акты осмысления мира в обычных условиях, но и то, *как они не происходят* ни при каких условиях. К сожалению, ни корпусные данные, ни традиционное изучение лексической семантики такого материала не даёт, поэтому подобные выводы приходится делать индуктивно – на основе уже выстроенной теории.

Как и высказывания носителей языка, привлекаемых в качестве информантов, примеры из корпусов проходят отбор, который оказывается ещё более строгим в исследованиях ЯКМ. Примером такого сверх строгого отбора можно считать суждение А.Д. Шмелёва о том, что пословица *Любовь зла, полюбишь и козла*, позволяет говорить не о месте любви в русской ЯКМ, но о козле как о малосимпатичном животном в русской ЯКМ [цит. раб.: 11]. Такой вывод обосновывается союзом *и* в значении «даже», который указывает, что козла полюбить очень трудно, а поскольку это значение содержится в пресуппозиции высказывания, то оно и принимается как неоспоримое и сходящее в ЯКМ. При этом схожие с этой другие пословицы (например, *Борода в честь, а усы и у кошки есть* или *Доброе слово и кошке приятно*) игнорируются автором. При всём при этом проверка гипотезы посредством реальных словоупотреблений, т.е. в корпусных примеров, позволила бы более детально и обоснованно говорить о месте любви в русской ЯКМ.

Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: методологические возможности корпусов вполне подходят для их широкого использования в исследованиях ЯКМ. Правда, корпус не может обеспечить такие исследования отрицательным материалом, который здесь весьма нужен, ведь для ЯКМ важно ещё доказать, как люди *не* считают и какие схемы миропонимания *не* используют. Корпус не позволяет это увидеть; впрочем, от него это и не требуется.

Всё остальное делает корпус универсальным информантом, а такое исследование – квази-экспериментальным: к корпусу обращаются как некоторому идеализированному информанту экспериментального исследования, уже прошедшему отбор и необходимое обучение и отгороженному от сторонних факторов. Этот универсальный информант обладает всеми необходимыми для такого исследования свойствами: (1) он прошёл «отбор» и «обучение» и даёт только «положительный материал», не нарушающий норм языка; (2) он «ориентируется» не на абстрактную языковую систему, а на речь в условиях её порождения; (3) он позволяет проверять гипотезы (в том числе рабочие) через быстрое и удобное привлечение множества примеров. Как представляется, потенциал такого универсального информанта в квази-экспериментальной

ситуации для исследования ЯКМ не только не исчерпан, но даже должным образом не осмыслен.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. 766 с.
3. Волкова Т.А. От модели перевода к стратегии перевода: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 304 с.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
5. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.
6. Ремхе И.Н., Нефёдова Л.А. Использование лингвистического корпуса в обучении переводу // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 89–95.
7. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
8. Стёпин В.С. Теоретическое познание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
9. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224с.
10. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
11. Baker P. Sociolinguistics and Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 189 p.
12. Beeby A., Rodríguez Inés P., Sánchez-Gijón P. (Ed.) Corpus Use and Translating. Corpus use for learning to translate and learning corpus use to translate. Amsterdam (Philadelphia): Benjamins, 2009. 151 p.

CORPUS AS A UNIVERSAL RESPONDENT

(on the experimental study of the semantics and the worldview)

A.A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper discusses the problems of experimental methods application to the study of the language worldview based on the semantic analysis. The analysis of the semantic and worldview study methodology entails that corpora are the universal respondent and the corpora data are used as the experimental ones so such study can be considered as quasi-experimental.

Keywords: *Corpus linguistics, semantics, language worldview, linguistic experiment.*

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru